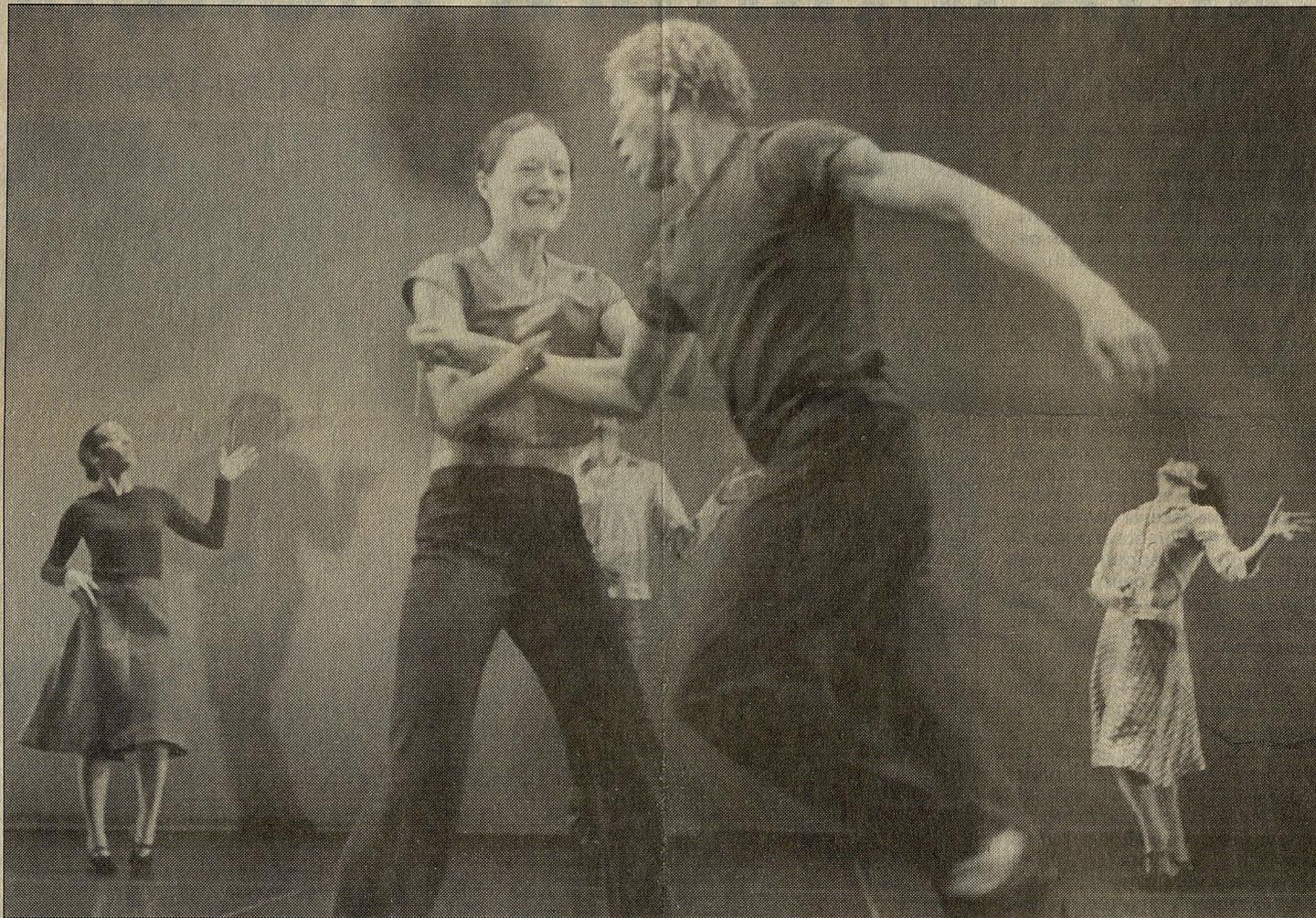

Плоды просвещения

Москву познакомили с балетным постмодернизмом

«Превознесение Леона Джеймса» так же похоже на гарлемские танцы 30-х годов, как гамбургер на ростбиф

В музыкальном театре Станиславского и Немировича-Данченко прошли гастроли американской труппы Trisha Brown dance company. Балеты знаменитой постмодернистки показали в рамках III Американского фестиваля современного танца.

Гастроли двух американских трупп (чез неделю в том же театре свою серию одноактных балетов покажет хореограф Даг Варон — Doug Varone and dancers) — только надводная часть айсберга, именуемого III Американский танцевальный фестиваль (ADF). Двухнедельные мастер-классы, собравшие 370 волонтеров со всех концов России в школе «Вортекс», для ADF важны не меньше, чем общедоступные представления. Потому что задачи этого феста, откровенно говоря в Москве 9 октября, скорее просветительские, чем развлекательные. Гастролеров, призванных проиллюстрировать новейшую историю танца в США, пригласили сами американцы, заплатив им немалый гонорар (девять человек из Trisha Brown dance company получают за свой спектакль побольше, чем тот же театр Станиславского — за полноценный балет). Хореографа Тришу Браун выбрали в качестве апостола постмодерна.

Прославилась эта дама в конце 60-х: тогда в Америке многим осточертел танец modern, за 40 лет своего существования обросший канонами не менее жесткими, чем балетная классика. Ученица абстрактного модерниста Мерса Каннингама взбунтова-

лась одной из первых, провозгласив, что танцевать может кто угодно и где угодно. Свои перформансы Триша Браун устраивала на крышах нью-йоркских небоскребов, на Великих озерах, на лужайках в Центральном парке. Однако эпатаж не был ее целью — у хореографини оказался темперамент кабинетного ученого. Заставляя своих артистов лазить по стенам и кувыряться на надувных плотках, она пылливо изучала работу человеческого тела в условиях «экстремалки»: высчитывала центр тяжести, освобождала мышцы, загружала суставы, вычисляла траектории движений и способы сохранения равновесия.

К концу 70-х протест Триши Браун выдохся — ее танцовщики вернулись на обыкновенную сцену. Зато соавторами ученой дамы стали отцы поп-арта, а на ее спектакль слетался интеллектуальный бомонд. Хореографиня творила циклами. Цикл «Нестабильные молекулярные структуры» сделал ее неприкасаемой для критики: кому охота признаться, что вместо геометрической расчлененки предпочел бы увидеть на сцене банальную love story.

Москвичам, в сущности, повезло: на гастролях были представлены новейшие работы Триши Браун, вступившей в период увлечения музыкой (раньше она предпочитала ставить в тишине, заказывая партитуру к уже готовой хореографии). Хореографической математики оказалось не так уж много. Отголосок былого радикализма прозвучал лишь в соло «Если бы вы не могли меня видеть» — последней совместной работе хо-

реографа с художником Робертом Раушенбергом, придумавшим и музыку и костюм танцовщицы. Танец исполняется спиной к зрителям, сильно смахивает на методическое пособие и утверждает ноу-хау хореографа — принцип релаксации. Зрителям предлагалось полюбоваться его техническими приемами: расслабленностью мышц при неустойчивости поз, подвижностью суставов и непрерывностью слигиванных движений. Впрочем, все это давно растиражировано многочисленными эпигонами, а потому принципиальное соло создавало устойчивый эффект *deja vu*. *Canto/Pianto* на музыку «Орфея» Монтеверди дало публике поблажку: можно было гадать, кто здесь Эвридика, кто — Орфей, а можно просто расслабиться под полифоническую вязь массового танца или знакомиться с хореографическим минимализмом в строго отмеченных жестах монологов.

После антракта показалось, что тест на IQ завершился — зазвучало что-то джазово-ностальгическое. Но не тут-то было: «Превознесение Леона Джеймса», поставленное в этом году по заказу ADF в честь гарлемских танцовщиц 30-х годов, демонстрировало приемы деконструкции. Рок-н-рольные трюки разваливались, едва начавшись; подходы к степу так и не раздражались четкой; призраки негритянских ужимок истаявали в полунамеках. Препарированная история американского танца оказалась пресной, как гамбургер в «Мак-Дональдсе».

ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА

TOM BRAZIL